

DOI: 10.15372/HSS20210211
УДК 94(571.1/.5)+093.3"192"

В.И. ШИШКИН

«ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ БОЛЬШЕВИЗМА» В СИБИРИ В ОСВЕЩЕНИИ МЕМУАРИСТОВ 1920-х ГОДОВ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье анализируется состояние советской мемуаристики 1920-х годов, посвященной «триумфальному шествию большевизма» в Сибири. С этой целью выясняется корпус авторов воспоминаний, их партийная принадлежность и статус, количество мемуарных публикаций, вышедших в свет к 10-й годовщине Октябрьской революции, эпизоды и события политической борьбы, нашедшие наиболее полное отражение в воспоминаниях, подходы мемуаристов к освещению и интерпретации происшедшего, использовавшаяся ими лексика и терминология. Утверждается, что мемуарные публикации 1920-х гг. внесли существенный вклад в создание источниковой базы о революционных событиях конца 1917 – начала 1918 г. В то же время они сыграли главную роль в формировании концептуального каркаса истории советизации Сибири, содержащего два взаимоисключающих тезиса: с одной стороны, Совдепы ряда городов и поселков захватили власть задолго до Октябрьского переворота, а с другой – «Октябрь» здесь произошел только в ноябре – декабре 1917 г.

Ключевые слова: Россия, Сибирь, революция, Октябрьский переворот, большевики, Советы, воспоминания, мемуаристы, публикации, статьи.

V. I. SHISHKIN

“BOLSHEVISM TRIUMPHAL MARCH” IN SIBERIA HIGHLIGHTED BY MEMOIRISTS’ WORKS OF THE 1920S

Institute of History SB RAS,
8, Ak. Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article aims to study the contribution of memoir publications of the 1920s to highlighting the “Bolshevism triumphal march” in Siberia, to forming the source base of the Siberian Sovietization concept. It defines the list of memoir authors, their status and party affiliation during the revolution events. The research shows that in 1917 at least half of the memoirists were members of the Russian Social Democratic Labor Party (Bolsheviks), and among them, there were few prominent professional revolutionaries. The article argues that this fact largely explains the approaches of the memoirists to the description and interpretation of what happened, terminology choice, and language stylistics. The research finds out that the number of memoirs published on the October Revolution 10th anniversary and reflecting the revolutionary process in Siberia and its Sovietization is nearly 30 works, while neither both capitals, nor the adjacent regions of the Urals and the Far East had comparable numbers. The article studies the reasons for such small number of the memoirs about Siberia Sovietization. It analyzes the memoirs’ general topics and problems, as well as the specific episodes of the political struggle described by memoirists. The article examines how the memoir authors explained the reasons for the ten-day armed conflict in December, 1917 in Irkutsk. Based on the collected data and results of its analysis it establishes that the memoirs of the 1920s created two basic axioms of the Soviet concept of the “Bolshevism triumphal march” in Siberia. On the one hand, it claimed that the Soviets of Workers ‘and Soldiers’ Deputies of some cities and towns seized power long before the October Revolution; on the other hand, they declared that the October Revolution occurred in Siberia around November–December 1917. The article concludes by arguing that the memoirs published in the 1920s fulfilled multiple functions, and, first of all, they were the most important and reliable source of information about the period of the revolution.

Key words: Russia, Siberia, revolution, October coup, Bolsheviks, Soviets, memoirs, memoirists, publications, articles.

Владимир Иванович Шишкин – д-р ист. наук, проф., главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: patric@academ.org; <http://orcid.org/0000-0002-1462-4805>.

Vladimir I. Shishkin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of History of the SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде и формирование Временного рабоче-крестьянского правительства на втором Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов стали первыми шагами по взятию большевиками государственной власти в России в свои руки.

Следующей задачей большевиков являлось скорейшее установление власти Советов на местах, чтобы поддержать успех, достигнутый в столице, и придать государственному перевороту большую легитимность, а новой власти – устойчивость. По утверждению В.И. Ленина, эта задача была успешно решена большевиками к концу февраля – началу марта 1918 г. Обобщая этот опыт, В.И. Ленин в марте 1918 г. восторженно писал: «Мы в несколько недель, свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление в гражданской войне. Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны» [1, с. 79].

Ленинская оценка, несмотря на то, что она не вполне отвечала действительности и хорошо известным вождю большевиков фактам, стала для формировавшейся советской исторической науки непреложным теоретико-методологическим основанием и концептуальным ориентиром и, кроме того, придала теме установления власти Советов на местах высочайший градус актуальности.

На протяжении целого века история Октябрьской революции в России являлась главной темой отечественной исторической науки. Ей посвящались сотни тысяч публикаций разного жанра и объема – от мелких газетных заметок до фундаментальных многотомных документальных и научно-исследовательских трудов. В результате история Октябрьской революции приобрела исключительно богатую и разнообразную внутреннюю структуру и концептуальное многообразие. Совершенно закономерно, что в рамках изучения Октябрьской революции одной из актуальных проблем было изучение процесса установления власти Советов на местах.

Важную роль в становлении советской историографии, пришедшемся на первое десятилетие существования советской власти, сыграли воспоминания участников революционных событий. Вклад мемуаристики в изучение истории Октября хорошо освещен в советской историографии. Что касается воспоминаний 1920-х гг. об установлении власти Советов в Сибири, то о некоторых из них встречаются только упоминания в статьях В.Т. Агалакова [2], В.С. Познанского [3] и М.М. Шорникова [4]. Однако вклад мемуарных публикаций в формирование источниковой базы и в становление советской концепции революционного процесса в Сибири этими историка-

ми не рассматривался. Восполнить названный пробел – такова основная задача данной статьи.

АВТОРСКИЙ КОРПУС

Первые воспоминания о революционных событиях 1917 г. и советизации Сибири появились на два года позднее, чем в центре России, лишь после того, как здесь была восстановлена советская власть. Решающую роль в актуализации данной проблемы сыграли руководящие большевистские органы. Инициатива издания первого советского сборника статей, посвященного революции и гражданской войне в Сибири, принадлежала Сибирскому бюро ЦК РКП(б)¹.

Подготовленный в спешке сборник под названием «Три года борьбы за диктатуру пролетариата» был опубликован к трехлетней годовщине Октября. Его содержание во многом отличалось от первоначально намеченного. Заслуживают внимания воспоминания Е.В. Полюдова [5] и В.Н. Соколова [6], в которых речь идет об установлении власти Советов в Сибирском казачьем войске и в Забайкалье.

В начале 1920-х гг. бывшие участники борьбы за установление власти Советов в Сибири публиковали свои воспоминания на разных площадках. Например, переехавшие в Москву В.Д. Виленский–Сибиряков, В.Н. Соколов и М.И. Фрумкин издали свои мемуары в журнале «Пролетарская революция» [7; 8; 9], являвшемся органом Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП(б) (Истпарта). В дальнейшем жившие в столице сибиряки В.Д. Виленский–Сибиряков [10, 11], В.Ф. Владимирова (Е.М. Хрущева) [12], Н.Ф. Чужак [13], Б.З. Шумяцкий [14], Р.П. Эйдеман [15] продолжали публиковаться в московской периодике и в центральных издательствах, выпускавших общественно-политическую литературу.

В Сибири мемуары появлялись на страницах печатных органов местных губкомов РКП(б). Так, новые воспоминания Е.В. Полюдова изданы в 1922 г. в «Известиях Омского губкома РКП(б)» [16], С.Л. Огнетова и Н.М. Юдина в 1923 г. – в журнале «Коммунист», органе Иркутского губкома РКП(б) [17; 18], А.А. Позднякова – в «Известиях» Енисейского губкома РКП(б) [19].

Одновременно в Сибири в 1922–1923 гг. приступили к работе отделения Истпарта. Наибольшей издательской активностью отличался Томский истпарт, который подготовил и опубликовал два номера сборника «Былое Сибири» и один выпуск сборника «Путь борьбы». В них увидели свет воспоминания Ф.Е. Орлова [20] и некоего Б.Ю. [21], а также довольно про-

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П.-1. Оп. 3. Д. 3. Л. 37–38.

странные коллективные воспоминания горнорабочих Колчугинского рудника, один из разделов которых посвящен его советизации [22].

В учрежденном в 1922 г. в Новониколаевске художественно-литературном и научно-публицистическом журнале «Сибирские огни» вышли воспоминания А. Абова (А.А. Ансона) [23], М.М. Басова [24], Р.П. Эйдемана [25]. В том же году в Новониколаевске малоизвестное издательство «Клич» опубликовало мемуары А.Н. Буйских [26].

В целом количество вышедших в свет к 10-й годовщине Октября воспоминаний свидетельствует о том, что освещение революционного процесса в Сибири и установления в ней власти Советов явно отставало не только от обеих столиц, но даже от сопредельных областей – Урала и Дальнего Востока. Достаточно убедительно об этом свидетельствует опубликованный к десятилетнему юбилею Октябрьской революции библиографический указатель [27].

Имелось несколько объективных причин, которыми объясняется малочисленность мемуарных публикаций о советизации Сибири. Прежде всего следует отметить низкую грамотность местного населения, ограничивавшую его возможности письменно зафиксировать свои воспоминания. Гибель в ходе гражданской войны большинства руководителей и многих активных участников борьбы за власть Советов на местах резко сузила круг людей, которые могли бы сообщить исторически значимые сведения о превращении Советов Сибири в органы власти. К тому же такие крупные события гражданской войны в Сибири, как вооруженная борьба на Восточном фронте, большевистское подполье, городские восстания и партизанско-повстанческое движение, как бы «потеснили» в исторической памяти современников предшествующую фазу борьбы за установление власти Советов, оттеснив ее на периферию.

Почти все воспоминания 1920-х гг. о советизации Сибири написаны по памяти и в основном не являлись тематически строго ориентированными. В большинстве очерков и статей, скорее, затрагивалось несколько разных проблем. Публикации значительно отличались друг от друга по осведомленности, компетентности и объективности их авторов, по территориальным и хронологическим параметрам, полноте и достоверности содержащейся в них информации.

Во время событий, описываемых в воспоминаниях, не менее половины мемуаристов состояли в РСДРП(б). Одни из них – В.Ф. Владимирова (Е.М. Хрущева), Ф.А. Крылов, Н.Ф. Насимович-Чужак, В.Н. Соколов, М.И. Фрумкин, Б.З. Шумяцкий – являлись профессиональными революционерами, другие – А. Абов (А.А. Ансон), М.М. Басов, А.А. Поздняков, Ф.Е. Орлов – стали большевиками

во время революции. Некоторые мемуаристы в 1917 – начале 1918 г. входили в другие политические партии: Р.П. Эйдеман был «левым» эсером, В.Д. Виленский–Сибиряков и Е.В. Полкудов – социал-демократами интернационалистами, А.Н. Буйских – анархо-синдикалистом. Правда, ко времени написания своих воспоминаний все они уже вступили в РКП(б).

ПРОБЛЕМАТИКА:

ЭПИЗОДЫ, СОБЫТИЯ И ХОД БОРЬБЫ

Чаще всего мемуаристы делились сведениями об установлении власти Советов в той или иной административно-территориальной единице (городе, губернии, области) в течение относительно продолжительного промежутка времени. Лишь в некоторых воспоминаниях речь шла о конкретных эпизодах или событиях. Так, в мемуарах секретаря солдатской секции Красноярского совета рабочих и солдатских депутатов А.А. Позднякова и члена Омского совета рабочих и солдатских депутатов М.М. Басова отражены два важных эпизода.

А.А. Поздняков рассказал о том, когда, кем и как решался вопрос об установлении власти Советов в Красноярске. Мемуарист утверждал, что после получения 27 октября первых сведений из Петрограда о восстании, «для выявления позиции по отношению к событиям в центре» был создан губисполком Советов. А.А. Поздняков назвал фамилии большинства участников этого заседания, которое длилось с 11 часов вечера до 5 часов утра. За взятие власти Советами в Красноярске высказались большевики, «левые» эсеры и анархисты, против – «правые» эсеры, которые заявили, что считают переворот «не шагом вперед, а назад», и, возможно, меньшевики. Но относительно того, что нужно в первую очередь предпринять с целью захвата власти, единое мнение у участников заседания отсутствовало, поскольку в головах «у всех была муть от неизвестности». В конечном счете они постановили «произвести занятие государственных учреждений». Осуществить его было поручено руководству солдатской секции Красноярского совдепа в составе «левых» эсеров С.Г. Лазо, М.И. Соловьева и А.А. Позднякова.

По сведениям А.А. Позднякова, именно эта «тройка» решила в качестве первого шага по взятию власти расставить военные посты у входов в государственные и общественные учреждения. Для исполнения этого намерения была выбрана наиболее революционно настроенная 10-я рота 15-го Сибирского стрелкового запасного полка, которая состояла из уроженцев центральных губерний и фронтовиков. Ранним воскресным утром, когда большинство горожан еще спали, в течение двух часов названная «тройка» расставила военные караулы в назначенных

местах. По утверждению мемуариста, вся эта работа была проделана «почти незаметно», а город был занят «без единого инцидента» [20, с. 34–36].

О конфликте, происшедшем в Омске 1–2 ноября 1917 г. во 2-й школе прапорщиков, написал М.М. Басов. Арест юнкерами школы командующего Омским военным округом прапорщика П.Н. Половникова и вооруженный захват ими штаба округа мемуарист квалифицировал как контрреволюционное восстание. Главным мотивом такого поведения большинства юнкеров, которых М.М. Басов считал «тупой и инертной» массой, он назвал стремление военной молодежи «сохранить свои офицерские погоны». Уже позднее этому событию, по его мнению, «искусственно прививались политические мотивы» [25, с. 84].

Вместе с тем мемуарист в качестве главных виновников конфликта юнкеров с местной властью назвал вожда омских кадетов В.А. Жардецкого, а также лидера «правых» эсеров В.В. Куликова и «все офицерство школы». Факторами, способствовавшими быстрому мирному разрешению инцидента, М.М. Басов считал умелые действия Омского военно-революционного комитета (ВРК), по приказу которого солдаты гарнизона и красногвардейцы блокировали малочисленных и плохо вооруженных юнкеров, а также поддержку ВРК со стороны имевшейся в школе прапорщиков небольшой группы из «левых» эсеров, интернационалистов и большевиков, сумевших убедить основную массу юнкеров сложить оружие [25, с. 87–88].

Вполне закономерно, что несколько мемуаристов уделили внимание так называемым «иркутским событиям» – боям, которые 8–18 декабря 1917 г. происходили в Иркутске между вооруженными силами большевиков и их противниками – главным образом юнкерами.

Первым о декабрьских событиях поведал А.Н. Буйских, который в это время был председателем Черемховского совета рабочих депутатов. Сам он в иркутских боях не участвовал, а описал их по рассказам других людей. По утверждению А.Н. Буйских, как только начались вооруженные действия, он получил от председателя Центрального исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Сибири (Центросибири) Б.З. Шумяцкого просьбу о присылке помощи из черемховских красногвардейцев. В ответ А.Н. Буйских срочно сформировал и отправил в Иркутск семь эшелонов бойцов. Мемуарист с восхищением отзывался о решительности и героизме черемховских красногвардейцев, а также положил начало мифу «о беззаветной храбрости бойцов, засевших в Белом доме». Он признался, что прибывшие из Черемхова красногвардейцы получили (видимо, от него самого) распоряже-

ние – поджечь центральную часть Иркутска, где находились юнкера, чтобы огнем и дымом вынудить их к капитуляции. А.Н. Буйских, с одной стороны, отрицал обвинения черемховцев в грабежах и пьянстве, а с другой – объяснял их асоциальное поведение традиционной для него ссылкой на то, что «цель оправдывает средства» [27, с. 54–57, 62].

Несколько страниц своих воспоминаний посвятила декабрьским событиям в Иркутске будущий историк В.Ф. Владимиров. Ее нельзя назвать участницей боев. Скорее, она была их очевидцем и описала не столько конкретные происшествия, сколько свое восприятие ситуации, в которой они совершались. По мнению В.Ф. Владимировой, уже после первого дня боев в лагере большевиков циркулировали рассказы-полулегенды, под влиянием которых возникали легенды, «создавалась героическая идеология, которая сплачивала солдат и двигала ими в борьбе» [12, с. 108].

В.Ф. Владимиров тоже оказалась склонной к вымыслу. Например, инициаторами боевых действий она назвала юнкеров. Ей принадлежит такое утверждение, основанное якобы на непосредственном наблюдении: «каждая простая женщина или мужчина были на стороне солдат, каждая женщина в шляпке была на стороне юнкеров». В.Ф. Владимиров написала, что черемховские шахтеры, узнав о боях между солдатами и юнкерами в Иркутске, тотчас «все бросали работу и пошли пешком к Иркутску, вооружившись, чем могли». Она внесла свою лепту и в прославление «героической защиты Белого дома» [12, с. 110–111].

Эмоциональный, но малоинформативный очерк о декабрьских событиях опубликовал Н.Ф. Насимович-Чужак, который в ноябре 1917 г. являлся председателем советской следственной комиссии, занимавшейся делами арестованных большевиками офицеров Иркутского военного округа во главе с полковником Л.Н. Скипетровым. Мемуарист героизировал поведение защитников Белого дома, называя их холодной и голодной «сотней храбрецов», включив и себя в их число. Н.Ф. Насимович-Чужак утверждал, что они восемь суток бились против «сытых, одетых юнкеров». Взятие Белого дома юнкерами и их победу («юнкера нас одолели, принудив подписать “мирный договор”») мемуарист объяснял надуманным превосходством противника в вооружении и умении: «На нашей стороне – неумелые пушки и берданы, у юнкеров – пулеметы, минометы, новые ружья и выучка» [13, с. 69–70].

Н.Ф. Насимович-Чужак признал, что победители вели себя достойно. Он свидетельствовал, что как взятый в плен председатель советской следственной комиссии был вправе ожидать от командовавшего

юнкерами Л.Н. Скипетрова «всяких “эксцессов”». Но, «выше всякого изумления – полковник изысканно вежливо “принял” меня и только улыбнулся <...> и справился, где находятся его бумаги». Мемуарист сообщил, что после того как большевикам пришла помощь из Омска (на самом деле – из Черемхово, Канска и Красноярска), «договор этот мы преспокойно забыли и стали организовывать жизнь и власть согласно велению рабочего бытия» [13, с. 71].

Более предметно о декабрьских событиях в Иркутске написал Р.П. Эйдеман, являвшийся в то время заместителем председателя Центросибири и лично участвовавший в боях во главе прибывшего из Канска отряда солдат-добровольцев. Он охарактеризовал обстановку, сложившуюся в Иркутске после получения там сведений о большевистском перевороте в Петрограде, рассказал об активизации местных леворадикалов, провозгласивших высшим органом власти в городе созданный ими временный военно-революционный комитет, и противостоянии им демократического лагеря, образовавшего комитет спасения революции во главе с эсерами и меньшевиками. В общих чертах Р.П. Эйдеман осветил и оценил ход боевых действий, которые вели противостоявшие стороны.

Р.П. Эйдеман считал, что формальным «поводом для выступления юнкеров послужил отказ военно-революционного комитета в отпуске средств на выпуск юнкеров, отказ в оформлении выпуска и производстве в офицеры, а также требование «самороспуска школ». Он признал, что такое решение военревкома «ударило по карману юнкеров, у них создалось весьма напряженное настроение» [25, с. 90].

В то же время Р.П. Эйдеман проводит мысль о том, что штаб, сформированный при комитете спасения революции, проделал «энергичную работу по подготовке вооруженного выступления юнкеров» [25, с. 89], что «выступление юнкеров в Иркутске вовсе не носило случайного и изолированного характера. По времени они совпало с рядом событий, сигнализировавших о наличии какого-то широкого плана по превращению Сибири в плацдарм для борьбы с Октябрьским переворотом» [25, с. 96]. По мнению мемуариста, комитет спасения революции являлся «ничем иным, как крикливой вывеской, под прикрытием которой организуется самая настоящая махровая контрреволюция» [26, с. 89].

Еще в ноябре 1921 г. об установлении власти Советов в Красноярске и в Енисейской губернии написал воспоминания М.И. Фрумкин, работавший до Октябрьского переворота заместителем красноярского городского головы. Он утверждал, что благодаря исключительной роли Красноярского совдепа, считавшегося «сибирским Кронштадтом», взятие власти Советом здесь произошло совершенно безболезнен-

но. «У нас, – утверждал мемуарист, – никакого переворота и не было. Достаточно было отправить письменное сообщение комиссару Вр[еменного] правительства [В.М.] Крутовскому, что он освобожден от своих обязанностей, что Совет берет целиком власть в свои руки и назначает своих гражданских комиссаров в губернское правление, чтобы решить вопрос о власти» [9, с. 150].

Правда, в дальнейшем М.И. Фрумкин был вынужден признать, что через две недели в Красноярске началась забастовка служащих государственных учреждений, которая была прекращена «мирным путем». По свидетельству М.И. Фрумкина, поскольку большевики возглавляли городское самоуправление, они решили его сохранить, подчинив Совету. Благодаря этому Совет освобождался от мелких хозяйственных забот. Что касается земских учреждений, находившихся в руках «правых» эсеров, то они были разогнаны. Происходившие в Красноярске и Енисейской губернии «изменения» М.И. Фрумкин охарактеризовал так: «Шла разрушительная и созидательная работа, стихийно, без определенного плана, согласованного с центром» [9, с. 152].

Политическую сторону так называемых декабрьских событий в Иркутске описал видный большевик С.Г. Огнетов. Он отметил, что Октябрьский переворот активизировал как местных большевиков, так и их главных противников – эсеров и меньшевиков. Мемуарист упомянул об организационных и политических усилиях социалистов, предпринятых ими для удержания власти в своих руках. Главным направлением деятельности социалистов С.Г. Огнетов назвал подготовку юнкеров военного училища и школы прапорщиков, которых они вооружили «с ног до головы» для того, чтобы оказать сопротивление большевикам.

Одновременно С.Г. Огнетов признал, что в конце ноября иркутские большевики под флагом Совета перешли в наступление и приступили к захвату власти. Он сообщил о том, что назначенный большевиками командующим Иркутским военным округом Б.З. Шумяцкий 7 декабря отдал приказ о расформировании школ прапорщиков, а на следующий день потребовал от них сложить оружие. По версии мемуариста, юнкера отказались выполнить оба приказа и в ответ «сейчас же приступили к занятию боевых позиций». С.Г. Огнетов утверждал, что в течение восьми дней в Иркутске шла «кровавая борьба между пролетариатом, под руководством большевиков, и юнкерами и офицерством, руководимыми с.-р. с благословения меньшевиков». По его убеждению, только после одержанной победы большевиками «была организована высшая административно-политическая власть, которая распространяла свои действия на округ, губернию и город» [17, с. 5].

В воспоминаниях 1920-х гг. прослеживаются две разные версии в освещении того, когда и как устанавливалась власть Советов в Томске и Томской губернии. Одну из них изложил некто Б.Ю., скорее всего входивший в РСДРП. По его свидетельству, после получения сведений об Октябрьском перевороте томские большевики, не имея достаточных сил, действовали очень осторожно. Они провели несколько довольно многочисленных совещаний с участием представителей партийных комитетов меньшевиков и эсеров, Совета солдатских депутатов, Совета рабочих депутатов, Совета крестьянских депутатов, крупнейших профсоюзов, на которых обсудили вопрос об отношении к Октябрьскому перевороту и об организации местной власти.

По сведениям мемуариста, после ожесточенных дебатов на совещаниях были достигнуты договоренности о ликвидации губернского комиссариата Временного правительства и о создании коалиционного ревкома на началах представительства от трех партий (большевиков, меньшевиков и эсеров) и трех Советов. Этот ревком просуществовал несколько дней и был заменен новым ревкомом, состоявшим из четырех человек – представителей от Совета солдатских депутатов, Совета рабочих депутатов и земства, трое из них были большевиками, а один – меньшевиком, с которым большевики реально не считались. Второй ревком просуществовал до начала марта 1918 г., когда были распущены органы городского и земского самоуправления, а вся административно-хозяйственная власть перешла к исполкому губернского совдепа. Своеобразие томского переворота мемуарист видел в том, что томские большевики, «благодаря умелому тактическому лавированию, при небольших сравнительно силах и средствах сумели завоевать и подчинить себе большинство, без особых эксцессов, для многих совершенно незаметно и неожиданно» [21, с. 56].

Ф.Е. Орлов, занимавший в Томске в конце 1917 – начале 1918 г. ответственные советские должности, считал, что главной особенностью советизации Томска и губернии являлось его отставание от других городов и территорий Сибири, поскольку «овладение властью шло недостаточно быстро и энергично». По его мнению, даже созданный в начале 20-х чисел декабря 1917 г. Томский губисполком Советов до начала марта 1918 г. «был хозяином положения только в Томске и в немногих рабочих районах». Причины такого положения вещей Ф.Е. Орлов видел в «мягкотелости» томских большевиков, обусловленной малочисленностью томского пролетариата [20, с. 40, 43].

В воспоминаниях одного из старейших социал-демократов России, члена РСДРП с 1898 г. В.Н. Соколова, который в 1917 – начале 1918 г. являлся лиде-

ром большевиков Забайкалья, было обращено внимание на ряд важных особенностей революционного процесса на востоке России. По его мнению, революционные события здесь являлись своеобразным отражением того, что происходило в центре, но совершались позднее и были выражены слабее. Мемуарист утверждал, что за Байкал Октябрьская революция перекинулась «только через 2 месяца после окончательной победы в центре России» [6, с. 154]. Причинами такого запоздания В.Н. Соколов называл не только удаленность восточных районов от столицы, но и конкретные условия окружающей действительности, «разницу соотношений общественных сил»: малочисленность и сравнительную сытость пролетариата, наличие крепкого крестьянства, высокий удельный вес бурятского населения и казаков [6, с. 154; 8, с. 389]. В.Н. Соколов считал, что у большевиков «местных сил для установления своей власти было далеко недостаточно» [8, с. 391].

Ликвидацию коалиционного Забайкальского народного совета и установление власти Советов В.Н. Соколов объяснял поведением возвратившихся в январе 1918 г. с фронта четырех казачьих полков, подвергшихся большевистской политической обработке. По его свидетельству, выборный командный состав полков явился в Читинский совет рабочих и солдатских депутатов и заявил о необходимости установления власти Советов. С взаимного согласия был избран революционный штаб для захвата власти и разработан план действий. На следующий день казаки претворили его в жизнь. Уполномоченный их штаба потребовал от Народного совета сложить власть, что тот и сделал, приняв решение о самороспуске. «Переворот, – вспоминал В.Н. Соколов, – получился не только бескровный, но даже почти без арестов и даже почти без словесных сражений» [8, с. 393].

Локальным событиям, происходившим в Сибирском казачьем войске, на Кольчугинском руднике и на Бодайбинских золотодобывающих приисках, были посвящены воспоминания Е.В. Полюдова – в первом случае, группы шахтеров – во втором, Н.М. Юдина – в третьем. Хорунжий Е.В. Полюдов с 10 ноября 1917 г. был членом Совета казачьих депутатов Сибирского казачьего войска (Совказдепа) в Омске. Группа шахтеров, скорее всего, состояла из беспартийных, но сторонников советской власти. Н.М. Юдин позиционировал себя в 1917 г. как большевика и члена исполкома Бодайбинского совдепа.

Е.В. Полюдов считал, что к октябрю 1917 г. экономическое неравенство в сибирском казачестве дополнилось социальным, и в его среде были бедняки, середняки и кулаки. Он также утверждал, что в начале 1918 г. казаки разделились на два противоположных политических лагеря: фронтовиков («молодых»)

и тыловых («стариков»). Мемуарист рассказал о борьбе между казачьими «верхами» во главе с войсковым правительством, с одной стороны, и казачьей секцией Омского совета, преобразованной затем в Совказдеп, – с другой.

Решающую фазу этой борьбы Е.В. Полудов связывал с созданием Совказдепом тайного революционного комитета, по приказу которого был произведен арест членов войскового правительства, а власть перешла к исполкому Совказдепа. По его мнению, состоявшийся в начале марта 1918 г. 3-й войсковой круг (съезд) признал действия Совказдепа верными и избрал войсковой совет казачьих депутатов. В результате, как считал Е.В. Полудов, мы из «захватчиков» превратились «во власть выборную», тогда же и «была окончательно установлена Советская власть среди сибирского казачества» [5, с. 101; 16, с. 25–26].

По воспоминаниям кольчугинских рабочих и Н.М. Юдина совершенно четко прослеживается разница в развитии революционного процесса на руднике и на приисках. На Кольчугинском руднике создание профсоюза, ячеек социал-демократов и эсеров, Совдепа, а потом и установление власти Совета произошло во многом благодаря откомандированным из других мест членам социалистических партий, так как в шахтерской массе, состоявшей в основном из окрестных крестьян, не было тех, кто ранее занимался политической деятельностью. Напротив, среди бодайбинских горняков, насчитывавших около 20 тыс. человек, имелись люди с политическим опытом. Они взяли на себя создание профсоюза, выборы в Советы и установление их власти [18, с. 64–65; 22, с. 15–17].

Очерки воспоминаний опубликовали А. Абов (А.А. Ансон) и В.Д. Виленский-Сибиряков. Первый из них в ноябре – декабре 1917 г. находился в Иркутске и состоял секретарем окружного бюро Советов Восточной Сибири, второй приехал в Иркутск в начале декабря и занимался изданием «Известий» Иркутского военно-революционного комитета. Воспоминания обоих авторов не отличались наличием убедительного конкретного и тем более нового фактического материала о советизации Сибири, а представляли собой беглые и поверхностные обзоры главных политических событий, написанные в стиле большевистской публицистики.

Так, А. Абов (А.А. Ансон) заявлял, что у части Советов Сибири «власть была в руках ранее Октября» [28, с. 47]. Ему вторил В.Д. Виленский-Сибиряков, писавший, что к Октябрьскому перевороту вся Сибирь «была покрыта советами, которые во многих местах не только пользовались большим влиянием, но и фактически держали власть в своих руках» [10, с. 3].

Вместе с тем оба мемуариста признавали, что в Сибири «октябрьские события» произошли гораздо

позже, чем в Петрограде и в Москве, только в ноябре – декабре 1917 г. Даже ликвидацию юнкерского восстания в Иркутске А. Абов (А.А. Ансон) не считал окончательной победой Советов, поскольку соглашательские тенденции «жили в Иркутске еще около месяца». По его мнению, только на 2-м Всесибирском съезде Советов, который автор ошибочно датировал январем, а не февралем 1918 г., «было положено сравнительно прочное основание организационным формам советского правления» [24, с. 121].

Наиболее крупной мемуарной публикацией 1920-х гг. не только по объему (количеству страниц), но и по охвату описываемой территории, где получили освещение процессы установления власти Советов на востоке России, была книга Б.З. Шумяцкого «Сибирь на путях к Октябрю». Не менее четверти ее текста заняли воспоминания о событиях в Иркутске, который в то время считался в большевистской среде центральным пунктом борьбы за советизацию Сибири. С октября 1917 по февраль 1918 г. Б.З. Шумяцкий находился в Иркутске, занимая две важнейшие должности – уполномоченного (агента) ЦК РСДРП(б) и председателя Центросибири. Фактически он являлся руководителем местных большевиков, находился в эпицентре всех событий и прекрасно их знал.

Воспоминания Б.З. Шумяцкого богато насыщены документальным материалом, который автор позаимствовал из иркутских, красноярских, омских и томских газет, причем и большевистской, и советской направленности. Использование в книге газетных сведений, в том числе новой фактической информации, позволило мемуаристу передать дух того времени, накал борьбы и страстей, повысив доверие читателя к сообщаемым им фактам.

Б.З. Шумяцкий довольно подробно описал деятельность иркутских большевиков, направленную сначала на завоевание руководящих позиций в Совете рабочих и в Совете военных депутатов Иркутска, а затем на взятие ими власти в свои руки благодаря созданию временного военно-революционного комитета, назначению его комиссаров в государственные и общественные учреждения. Мемуарист утверждал, что в своей деятельности он руководствовался платформой ЦК партии – «выдвигать лозунг гражданской войны вместо лозунга коалиции и гражданского мира» [14, с.53].

В отличие от своих предшественников, которые всячески пытались представить виновниками десятидневной кровавой драмы в Иркутске контрреволюционеров (то «правых» эсеров и меньшевиков, то их же вместе с офицерами-монархистами и буржуазией), Б.З. Шумяцкий не скрывал того, что именно большевики целенаправленно вели дело к вооруженному конфликту. Сначала они произвели аресты офи-

церов Иркутского военного округа, затем военревком объявил об отказе осуществить производство в офицеры юнкеров военного училища и выпускников трех школ прапорщиков, мотивируя свою позицию разными причинами: отсутствием финансовых средств, декретом Совнаркома об отмене офицерских званий и ликвидацией соответствующих военно-учебных заведений [14, с. 73].

Б.З. Шумяцкий солидаризировался с А. Абовым (А.А. Ансоном) и В.Д. Виленским-Сибиряковым в двух главных вопросах: во-первых, в том, что Советы рабочих и солдатских депутатов ряда городов и поселков «задолго до Октябрьского переворота <...> захватили в свои руки власть»; во-вторых, что «петроградский Октябрь» пришелся в Сибири на ноябрь – декабрь 1917 г. [14, с. 122–123]. Причины того, что советизация Омска и Томска произошла позднее, чем Красноярска и Иркутска, мемуарист объяснял «центризмом», существовавшим в Омской и Томской организациях РСДРП. В свою очередь он был обусловлен, по его мнению, давлением окружающей мелкобуржуазной среды. Из-за этого, считал Б.З. Шумяцкий, «многие сибирские организации до и даже после Октября блуждали по путям центризма», а «некоторые из них выступали в дооктябрьские и в октябрьские дни противниками гражданской войны» [14, с. 121].

Необходимо отметить, что Б.З. Шумяцкий положил начало новому тренду в советской мемуаристике, получившему развитие в последующие десятилетия. Верные направления и успешные результаты деятельности большевиков в Сибири он объяснял выполнением директив вождей партии – В.И. Ленина, Я.М. Свердлова и И.В. Сталина [14, с. 34, 89, 93–94].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К десятилетнему юбилею Октябрьской революции количество опубликованных воспоминаний, посвященных установлению власти Советов в Сибири, не превышало трех десятков. Большинство из них не осталось незамеченными партийным руководством и сотрудниками Истпарта. На некоторые воспоминания в периодической печати появились как положительные, так довольно критические отзывы и рецензии.

Наиболее серьезная претензия была высказана рецензентом, подписавшимся инициалами И.С., в адрес А.Н. Буйских. И.С. упрекал мемуариста за выпячивание им своей роли, за искажение информации, за построение выводов «на шатком основании отдельных случаев, [за] обобщение отдельных фактов». В заключение И.С. обвинил издательство в том, что оно «оказало плохую услугу и рабочему классу в целом и товарищу Буйских, выпуская книгу “Революционные очерки”» [29, с. 179–181].

Довольно жестко об освещении революционных событий в Сибири, в том числе в воспоминаниях, опубликованных в губернских партийных журналах, отозвалось Сиббюро ЦК РКП(б) в лице его секретаря С.В. Косиора и заведующего Сибистпартом Н.Ф. Преображенского. Их главная претензия заключалась в том, что «издания губерний печатаются в таком ограниченном тираже, что они не достигают своей основной цели – помочь партии РКП написать и иметь историю общедоступную и правильно изложенную с точки зрения классового пролетарского подхода» [30].

Три рецензии появились на книгу Б.З. Шумяцкого [31, 32, 33]. Наиболее критическую оценку ей дал один из старейших большевиков, участник событий 1917 г. в Сибири и новый заведующий Сибистпартом В.Д. Вегман. Рецензент сразу же заявил, что попытку мемуариста обосновать пути Сибири к Октябрю «нельзя, однако, признать удачной». Утверждение Б.З. Шумяцкого, находившегося в 1917 г. в составе красноярской группы так называемых «правдивистов» на крайне «левом» фланге РСДРП, что «только они правильно шли по пути к Октябрю», он назвал неверным и несправедливым [33, с. 275]. Тем не менее, в заключение В.Д. Вегман рекомендовал прочитать книгу Б.З. Шумяцкого каждому, интересующемуся историей Октября в Сибири, так как «если пути Сибири к Октябрю не совсем правильно обоснованы, так, во всяком случае, они правильно указаны» [33, с. 276].

Можно утверждать, что мемуарные публикации 1920-х гг. об установлении власти Советов в Сибири играли многофункциональную роль. Так как практика издания документальных источников об Октябрьской революции только зарождалась, воспоминания являлись важнейшим источником информации о событиях того времени. Но при этом источником очень сложным и неоднозначным, требующим от читателей и исследователей умения критически мыслить. Даже с фактической точки зрения некоторые мемуары, особенно А.Н. Буйских, В.Ф. Владимировой и М.И. Фрумкина, грешили многими неточностями и ошибками.

Поскольку в то время единственным профессиональным историком, который занимался изучением советизации Сибири, являлся А.Н. Турунов (А.Н. Адгоков), именно мемуаристы сыграли главную роль в формировании концептуального каркаса истории «триумфального шествия большевизма». Однако свои воспоминания они писали, освещая события и процессы, происходившие в основном в Иркутске, Красноярске, Омске и Томске. Выводы, сделанные ими на столь ограниченном пространстве и материале, они неправомерно распространяли на всю Си-

бирь. В поле их зрения совершенно не попала сибирская деревня, в которой проживало почти 90 % местного населения.

Описание и интерпретация событий и поведения действующих лиц осуществлялись мемуаристами с использованием классовой, партийной терминологии, зачастую не просто односторонне, но и тенденциозно. Стиль языка отличался агрессивностью и соответствовал традиционной лексике большевиков, в которой политические понятия нередко замещались военными. Для постреволюционной эпохи, пришедшей на смену широкомасштабной гражданской войне, все это было если не вполне закономерно, то во многом понятно. Однако такое состояние сферы мемуаристики облегчало использование воспоминаний в агитационно-пропагандистской деятельности РКП(б)–ВКП(б) с целью формирования у граждан РСФСР новой, советской идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1974. Т. 36. 741 с.
2. Агалаков В.Т. Историография Советов Сибири в Октябре // Классы и партии в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1977. С. 168–180.
3. Познанский В.С. Изучение истории Октябрьской революции и гражданской войны в Сибири // Историческая наука в Сибири за 50 лет. (Основные проблемы истории советской Сибири). Новосибирск, 1972. С. 16–29.
4. Шорников М.М. Октябрьская революция в Сибири // Историография советской Сибири 1917–1945 гг.). Новосибирск, 1968. С. 5–31.
5. Полодов Ев. Сибирское казачество // Три года борьбы за диктатуру пролетариата (1917–1920). Омск, 1920. С. 99–104.
6. Соколов В. Отзвуки рабочего октября за Байкалом // Три года борьбы за диктатуру пролетариата (1917–1920). Омск, 1920. С. 154–158.
7. Виленский Вл. (Сибирияков). Октябрьские дни в Сибири. (По личным воспоминаниям) // Пролетарская революция. Исторический журнал Истпарта. [М.:] ГИЗ, 1921, № 1. С. 150–156.
8. Соколов В. Октябрь за Байкалом. (Январь – февраль 1918 г.) // Пролетарская революция. Исторический журнал Истпарта. М.; Пгтр: ГИЗ, 1922, № 10. С. 389–399.
9. Фрумкин М. Февраль – октябрь 1917 г. в Красноярске // Пролетарская революция. Исторический журнал Истпарта. М.; Пгтр: ГИЗ, 1923, № 9 (21). С. 140–152.
10. Виленский-Сибирияков Вл. Борьба за советскую Сибирь (Центросибирь). М., 1926. 22 с.
11. Виленский-Сибирияков В. Центросибирь. Борьба за Советы в Сибири в 1917–1918 гг. // Центросибирцы. Сборник памяти погибших членов Центрального исполнительного комитета Советов Сибири 1918 года. М.; Л., 1927. 159 с.
12. Владимирова Вера. Из недавнего прошлого. М.; Л., 1924. 200 с.
13. Чужак Н. Разрушение иллюзий. Осколок Сибири // Катторга и ссылка. Историко-революционный вестник. М., 1927. № 7 (36). С. 68–71. Н. Чужак – псевдоним Н.Ф. Насимовича.
14. Шумяцкий Б. Сибирь на путях к Октябрю. М., 1927. 126 с.
15. Эйдемман Р. Декабрьские дни в Иркутске. Воспоминания участника // Война и революция. М., 1927. № 10–11. С. 74–94.
16. Полодов Ев. Октябрьский переворот среди казачества // Изв. Омского губкома [РКП(б)]. Омск, 1922. № 4. С. 22–27.

17. Огнетов. Борьба за Советскую власть в Иркутской губернии 1917 г. // Коммунист. Иркутск, 1922. № 11. С. 3–5.
18. Юдин Н. Воспоминания о революции 1917 г. (в Бодайбо) // Коммунист. Иркутск, 1923. № 3. С. 14–22.
19. Поздняков А. Октябрь (что я помню) // Изв. Енисейского губернского комитета РКП(большев.) Красноярск, 1922. № 8. С. 33–37.
20. Орлов Ф. Первый губернский съезд рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. // Былое Сибири. Томск, 1923. № 2. С. 40–45.
21. Б. Ю. Воспоминания о Томской организации РСДРП в 1917 году // Путь борьбы. Томск, 1923. Вып. 1. С. 48–56.
22. Участники. Революционное движение на Ленинском (Кольчугинском) руднике // Путь борьбы. Томск, 1923. Вып. 1. С. 60–86.
23. Басов М. К истории юнкерских восстаний в Сибири // Сибирские огни. Новониколаевск, 1922. № 4. С. 84–88.
24. Абов А. Октябрь в Восточной Сибири. (Отрывки воспоминаний) // Сибирские огни. Новониколаевск, 1924. № 4. С. 107–122.
25. Эйдемман Р. Уличные бои во время восстания. (Воспоминания участника декабрьских дней в Иркутске) // Сибирские огни. Новосибирск, 1927. № 6. С. 85–98.
26. Буйских А.Н. Революционные очерки. Из воспоминаний за 25 лет. Новониколаевск, 1922. 143 с.
27. Турунов А.Н., Вегман В.Д. Революция и гражданская война в Сибири. Указатель книг и журнальных статей. Новосибирск, 1928. 136 с.
28. Абов А. Накануне красного Октября (из воспоминаний о первых съездах Советов в 1917 г.) // Изв. Енисейского губернского комитета РКП(большев.). Красноярск, 1922. № 8. С. 37–47.
29. Сибирские огни. Новониколаевск, 1922. № 4. С. 179–181.
30. Предисловие // Сборник Истпарта № 1 Сиббюро ЦК РКП(большевиков). Новониколаевск, 1923. 140 с.
31. На ленинском пути. Новосибирск, 1927. № 6. С. 63.
32. Печать и революция. М., 1928. № 1. С. 155–156.
33. Сибирские огни. Новосибирск, 1928. № 1. С. 275–276.

REFERENCES

1. Lenin V.I. Complete works. 5th ed. Moscow, Politizdat, 1974, vol. 36, 741 p. (In Russ.)
2. Agalakov V.T. Historiography of the Soviets of Siberia in October. *Klassy i partii v Sibiri nakanune i v period Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii*. Tomsk, 1977, pp. 168–180. (In Russ.)
3. Poznansky V.S. Studying the history of the October Revolution and the Civil War in Siberia. *Istoricheskaya nauka v Sibiri za 50 let. (Osnovnyye problemy istorii sovetской Sibiri)*. Novosibirsk, 1972, pp. 16–29. (In Russ.)
4. Shornikov M.M. October Revolution in Siberia. *Istoriografiya sovetской Sibiri (1917–1945 gg.)*. Novosibirsk, 1968, pp. 3–5. (In Russ.)
5. Polyudov E. Siberian Cossacks. *Tri goda bor'by za diktaturu proletariata (1917–1920)*. Omsk, 1920, pp. 99–104. (In Russ.)
6. Sokolov V. Echoes of the workers' October beyond Lake Baikal. *Tri goda bor'by za diktaturu proletariata (1917–1920)*. Omsk, 1920, pp. 154–158. (In Russ.)
7. Vilenskiy-Sibiryakov V. October days in Siberia. (According to personal recollections). *Proletarskaya revolyutsiya*, 1921, no 1, pp. 150–156. (In Russ.)
8. Sokolov V. October beyond Baikal (January – February 1918). *Proletarskaya revolyutsiya*, 1922, no. 10, pp. 389–399. (In Russ.)
9. Frumkin M. February – October 1917 in Krasnoyarsk. *Proletarskaya revolyutsiya*, 1923, no. 9, pp. 140–152. (In Russ.)
10. Vilenskiy-Sibiryakov V. Struggle for Soviet Siberia (Central Siberia). Moscow, 1926, 22 p. (In Russ.)
11. Vilenskiy-Sibiryakov V. Central Siberia. Struggle for the Soviets in Siberia in 1917–1918. *Tsentrosibirsky. Sbornik pamyati pogibshikh chlenov Tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta Sovetov Sibiri 1918 goda*. Moscow, Leningrad, 1927, 159 p. (In Russ.)

12. Vladimirova V. *From the recent past*. Moscow, Leningrad, 1924, 200 p. (In Russ.)
13. Chuzhak N. Destruction of illusions. A fragment of Siberia. *Katorga i ssylka. Istoriko-revolutsionnyy vestnik*, 1927, no. 7, pp. 68–71. (In Russ.)
14. Shumyatskiy B. *Siberia on the way to October*. Moscow, 1927, 126 p. (In Russ.)
15. Eideman R. December days in Irkutsk. Memories of a participant. *Voyna i revolyutsiya*, 1927, no. 10/11, pp. 74–94. (In Russ.)
16. Polyudov Ev. October coup among the Cossacks. *Izvestiya Omskogo gubkoma RKP(b)*, 1922, no. 4, pp. 22–27. (In Russ.)
17. Ognetov. Struggle for Soviet power in the Irkutsk province in 1917. *Kommunist (Irkutsk)*, 1922, no. 10, pp. 3–5. (In Russ.)
18. Yudin N. Memories of the 1917 Revolution (in Bodaibo). *Kommunist (Irkutsk)*, 1923, no. 3, pp. 14–22. (In Russ.)
19. Pozdnyakov A. October (what I remember). *Izvestiya Eniseyskogo gubernskogo komiteta RKP(bol'shev.)*, 1922, no. 8, pp. 33–37. (In Russ.)
20. Orlov F. The First Provincial Congress of Workers and Soldiers' Deputies in 1917. *Byloye Sibiri*, 1923, no. 2, pp. 40–45. (In Russ.)
21. B. Yu. Memories of the Tomsk organization of the RSDLP in 1917. *Put' bor'by*, 1923, iss. 1, pp. 48–56. (In Russ.)
22. *Participants*. Revolutionary movement at the Lenin (Kolchugin) mine. *Put' bor'by*, 1923, iss. 1, pp. 60–86. (In Russ.)
23. Basov M. On the history of cadet insurrection in Siberia. *Sibirskiyе ogni*, 1922, no. 4, pp. 84–88. (In Russ.)
24. Abov A. October in Eastern Siberia. (Fragments of memoirs). *Sibirskiyе ogni*, 1924, no. 4, pp. 107–122. (In Russ.)
25. Eideman R. Street battles during the uprising. (Memories of a participant in the December days in Irkutsk). *Sibirskiyе ogni*, 1927, no. 6, pp. 85–98. (In Russ.)
26. Buyskikh A.N. Revolutionary essays. From memories over 25 years. Novonikolaevsk, 1922, 143 p. (In Russ.)
27. Turunov A.N., Vegman V.D. Revolution and Civil War in Siberia. Index of books and journal articles. Novosibirsk, 1928, 136 p. (In Russ.)
28. Abov A. On the eve of the Red October (from the memoirs of the first congresses of the Soviets in 1917). *Izvestiya Eniseyskogo gubernskogo komiteta RKP(bol'shev.)*, 1922, no. 8, pp. 37–47. (In Russ.)
29. *Sibirskiyе ogni*, 1924, no. 2, pp. 189. (In Russ.)
30. Preamble. *Sbornik Istparta no. 1 Sibbyuro TsK RKP (bol'shevikov)*. Novonikolaevsk, 1923. (In Russ.)
31. *Na leninskom puti*, 1927, no. 6, p. 63. (In Russ.)
32. *Pechat' i revolyutsiya*, 1928, no. 1, pp. 155–156. (In Russ.)
33. *Sibirskiyе ogni*, 1928, no. 1, pp. 275–276. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.03.2021

Дата рецензирования 27.03.2021

Статья принята к публикации 26.04.2021